

Мир на ладони

Автор:

Ольга Малинина

Мир на ладони

Ольга Малинина

Кукла Даша

Повесть опубликована в 2007 году издательством «АСТ» под названием «Девушка с обложки».

Даша и Сергей, уже знакомые тебе по роману «Кукла Даша», учатся в одном классе и любят друг друга. Однако в их отношениях не все так просто...

Вокруг много соблазнов, и в поисках новых ощущений герои оказываются в водовороте событий, интриг. Пытаясь найти свою половинку, герои совершают необдуманные поступки, попадают в трудные ситуации. Найдут ли они истинное чувство? Будут ли счастливы?

Ольга МАЛИНИНА

МИР НА ЛАДОНИ

ОТ АВТОРА

Осенние краски переливаются в зимние, а зимние смешиваются с весенними и так далее, пока снова не начнется тоже самое. Вы знали об этом? Тогда

представьте, что такое может происходить каждый день...

Каждый день можно чувствовать себя по-разному, придумывать для себя всякие спектакли, играть с интересными декорациями. Вы даже не заметите, что живете в настоящем театре.

Эта книга – история о девочке, которой надоело участвовать в кукольных спектаклях. Она решила стать настоящей актрисой. А хотели бы вы стать героями книги? Это сделать очень просто. Вам надо лишь влюбиться!

Так поступили герои этой повести, и теперь их истории становятся бесконечными, как времена года...

ГЛАВА 1. ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ СНЕЖИНОК

– Может, я скажу сейчас просто... – взял он ее за руку и на мгновение замер. – Но я люблю тебя.

Она посмотрела на пушистый снегопад, разлетающийся по вечернему небу, и несколько снежинок запуталось в распахнутых, словно окна, ресницах.

– Теперь я знаю, – мелькнула загадка в ее улыбке.

Сережа поцеловал Дашу в губы и подумал, что, в самом деле, поцелуй любимой девушки похож на вкус лесной земляники.

Они весь вечер гуляли по ажурному от снега парку, совершенно забыв, что на этом свете есть и школа, и родители, и еще много-много всего.

Томные деревья под белой накидкой зимы, казалось, встречали их в каком-то равнодушном полусне. И как же им хотелось развеселить это белоснежное царство аллей!

– Сережа! Мы с тобой сейчас так смешно выгядим, – рассмеялась Даша, покружившись на месте. Прохожий в длинном и черном пальто бросил на них быстрый взгляд, в котором просквозил укор неприлично вольной юности. Даша почувствовала себя дерзким нарушителем всеобщего покоя, но этот чужой взгляд не мог пристыдить ее. Напротив, сейчас она могла бы победно закричать, как королева воинов.

Темный силуэт мужчины растворился где-то вдали, и под светом заснеженных фонарей они снова гуляли одни.

– Знаешь, я нарисовал твой портрет, – сказал Сережа. – Ты так необычно получилась...

– А это точно я? – хитрила Даша. Он немного помолчал, ей даже показалось, что она обидела его своим вопросом. Но Сережа задумался, быть может, совсем о другом.

– Даша, – остановился он, когда они почти дошли до перекрестка, где обычно встречались, – ты всегда такая разная... Я не могу понять, кто ты.

– Сережа, если ты обиделся... – попыталась она извиниться, но он снова поцеловал ее.

А электронные часы над входом в супермаркет промигали двадцать один час. Это значило – прощаться. До завтра.

* * *

Так, с каждым вечером, в роскошном дневнике Даши Мироновой становилось все меньше незаполненных листов. Она записывала о каждой своей встрече с Сережей. И в этот день, перед тем, как заснуть, она достала из школьного рюкзака маленький ключик от выдвижной полки письменного стола. Открывая свой целый день скрывавшийся дневник, Даша подумала, что не сможет обо всем написать. Щелкнула кнопка магнитофона, она взяла ручку...

«Все еще февраль, и радио поет о „теплом снеге“. Мои забытые мечты теперь наивны. Теперь он будет рисовать мои глаза, и только я ему нужна. Зачем это

скрывать?»

Записав свои сумбурные мысли, она положила дневник под подушку и потушила ночник. Радио выключила мама, пробравшись в ее комнату на цыпочках. Марина Васильевна присела на краешек кровати и расстегнула серебристую заколку на волосах дочери, о которой уснувшая Даша совсем забыла.

На утро девочка проснулась от сотрясавшего воздух скандала. Взглянув на часы, Даша прикинула, что до начала занятий целых три часа. За окном фиолетовое утро дышало сильным ветром, и в комнате было прохладно и тихо. Она осталась под ватным одеялом, прислушиваясь к нервным голосам, которые глухо бились о стены других комнат.

Причиной скандала был, конечно, ее неугомонный брат. Костя снова не ночевал дома. Даша, три дня не видевшая его, уже представила брата, небритого и с закончившейся пачкой сигарет.

– Ты не имеешь права так с нами поступать! – рыдала Марина Васильевна. От маминых слез у Даши перехватило дыхание, но твердый и спокойный голос отца позволил немного расслабиться. Отец говорил:

– Марина, Костя давно уже волен поступать так, как ему угодно. Если он безразличен к нам...

Он не успел закончить свою речь, потому что Костя, которому, наконец, надоело молча слушать родительские отзывы о нем, вдруг вспыхнул и чуть ли не прокричал на всю квартиру:

– Я ухожу из дома!

Даша вздрогнула – брат никогда так не говорил, и пустые реплики были вовсе не в его стиле. Она вскочила с постели, накинула на плечи кофту и вышла из спальни. Костя летел в свою комнату, и, чуть не столкнувшись с братом в прихожей, Даша пошла следом за ним.

– Костик! Это правда? – остановилась она в дверях. Брат складывал в огромную спортивную сумку одежду, кассеты, диски, – словом, все то, что составляло его

комфортную жизнь в семье.

- Что? – нахмурился он.

- Ты уходишь? – глотая слезы, переспросила сестра.

- Да, – коротко ответил Костя, но тут же подошел к ней ближе. – Ничего страшного, мы будем с тобой видеться.

Он, словно быстрый ветер, промчался по комнатам и лишь у порога сказал:

- Mam, я буду звонить.

Даша, испуганно подумав о странном уходе брата, как-то невольно глубоко вздохнула и вернулась к себе. Она закрыла за собой дверь и снова легла в кровать.

Все каким-то непонятным казалось ей теперь, когда так быстро и почти незаметно проходили очень важные события. И чувство, что она упустила какую-то возможность, не давало ей покоя.

Даша не смогла уснуть. Комната все больше наполнялась светом, и посеревший за утро ночник словно напомнил то, о чем она думала вчера перед сном. Нащупав под подушкой свою толстенькую тетрадь, Даша захотела вновь все обдумать. Но стоило ей снять колпачок ручки, как мысли ее тут же рассеялись, и она решила, что пора вставать и собираться в школу.

* * *

Если бы не внезапное появление и такое же исчезновение Кости, то можно было бы сказать, что весь семейный завтрак превратился в сновидение. Ни мама, ни отец не промолвили ни слова, и Даша желала бы как-то оживить своих родителей, но ей самой не хватало ясности.

Опоздавшая на пять минут, она шла по школьному коридору, проводя указательным пальцем по недавно покрашенной стене. Ей почему-то не

хотелось торопиться. Она спокойно вошла в класс, который шумно ликовал по поводу того, что Ангелины Константиновны не будет целых двадцать минут.

Даша взглянула на Карцева, как обычно что-то рисовавшего на обложке своей тетради. Сережа, увидев ее, казалось, обрел второе дыхание и как-то машинально пригладил свою прическу. Даше стало смешно, и она, присев за свою парту, тут же улыбнулась ему. Да, она знала это старое и все еще верное правило: если парень, увидевший тебя, начинает приглаживать свои волосы, словно он смотрит не на тебя, а в зеркало, значит, ты можешь не беспокоиться за свой внешний вид – ты безупречна.

В одно мгновение Даша представила себе, что даже с закрытыми глазами она могла бы узнать отражение Сережи. Нет, конечно, зачем ей так далеко сидеть от него? Всего лишь один какой-то ряд, где нескончаемо любопытство глаз, отделял их друг от друга. Она оглянулась, и, действительно, девчонки, окружившие Юлькину парту, говорили о главном событии последних трех дней – о Даше и Сереже, иногда об Антоне Милованове, сломавшем на каникулах правую руку.

Сережа сидел у окна, на предпоследней парте, а еще Даша заметила, что он сидит в нескольких сантиметрах от ее любимого школьного цветка. Раскидистый, но шершавый аспарагус лениво свисал с подоконника, будто для того и нужны были этому цветку такие листья, чтобы никто не посмел чем-либо побеспокоить его.

– Как ты думаешь, мы уживемся вместе, если я пересяду к тебе? – встала она перед ним, прежде собрав вещи с покинутой парты.

– А где ты хочешь сидеть? У окна? – спросил он, и Даша не растерялась, ответив, что, безусловно, ей хотелось бы сидеть у окна.

Он уступил ей свое место, и в это время класс замер – вошла Ангелина Константиновна и, запыхавшись, предложила записать домашнее задание, а потом сообщила, что все уроки отменяются.

Возможно, что случилась какая-то сенсация, раз объявили неучебный день. Но Даше было все равно – она как будто предчувствовала, что сегодня ее жизнь должна пойти наперекосяк, как некое искажение, хотя необязательно в плохую

сторону.

Класс с безумной радостью в глазах выскочил из-за парт, и многие уже сбегали по лестницам, желая как можно стремительнее покинуть школу, этот вечно живущий по расписанию мир.

В кабинете осталось три человека. Кристина Вислова, всегда во всем медлительная, аккуратно складывала свои принадлежности, где угол одной тетрадки обязательно должен совпасть с углом другой. Однако Даша иронично заметила, что ее бывшая соседка по парте просто-напросто шпионит за ней и Сережей. Наверняка посланная Юлькой Казаковой, Кристина ожидала какой-то развязки. Она молча придумывала всякие поводы, чтобы подольше задержаться в классе.

Даша списала с доски домашнее задание, и Кристинка тут же принялась тщательно вытирать доску.

– Ха! А куда подевался мой рюкзак?! – воскликнул Сережа, наклоняясь вбок. Даша недоуменно пожала плечами. Он обошел весь кабинет и обнаружил рюкзак за книжным шкафом.

– Интересно, что ты здесь делаешь? – обратился Сережа к своей вещи, и Кристинка то ли смущенно, то ли ехидно захихикала.

– По-моему, еще в начале урока он лежал на своем месте, – улыбаясь, говорила Даша.

– Да, так... Но что это?! – Сережа высыпал из сумки целую горсть сложенных в четыре раза тетрадных листков.

– Наверное, это записки, – предположила Даша. Кристинка, справившись с доской, взяла наполненную до половины лейку и направилась к цветам. Он развернул первую попавшуюся записку и, быстро прочитав написанное крупными буквами «СЕРЕЖА, Я ТЕБЯ ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ», разозлился, словно никто, кроме Даши, не имеет права в него влюбляться.

- Можно я... - пыталась она заглянуть в содержимое записки, которую он все еще держал в руках.

- Нельзя, - вдруг ответил Сережа и сам же себе удивился.

Даша приподняла брови, промолчав, взяла свою сумку и, как будто навсегда обиженная, вышла из класса. Кристина оставила лейку на последней парте и мигом подошла к своей, чтобы также, забрав вещи, уйти. Но Сережа остановил ее вопросом:

- И чья же это идея?

Кристина застыла в дверях и, обернувшись к нему, стоящему над разбросанными по столу записками, мило захлопала ресницами.

- Может быть, кто-то пошутил? - предположила она и попрощалась до завтра.

Через минуты две, после того, как Кристинка, злорадствуя, покинула класс, Сережа побрел по школьным коридорам, немного постоял у зеркала и, думая о Даше, отправился домой.

* * *

Он ждал ее уже... А, впрочем, какая разница, сколько времени он ее ждал на том перекрестке, где они условились встречаться. У него медленно замерзали ноги, уши, нос, и, вообще, он не мог простить себе, что сегодня утром так резко, даже грубо повел себя с ней. И теперь могло наступить отчаянье, если она не придет.

- Пойдем пить чай, - раздался ее голос за спиной. Сережа повернулся к ней лицом, сияющим ярче, чем снег на морозе.

- Пойдем, - радостно сказал он.

Даша взяла его под руку. Они прошли парк, и перед тем, как зайти в дом, Сережа собрал с ветки кружево снега и, остановившись, тихо и как-то торжественно произнес:

– Я дарю тебе это ожерелье из снежинок.

ГЛАВА 2. ЗВЕЗДА ПОД КОЛПАКОМ

Когда в ее жизни появился Сережа, как что-то новое и непонятное, Даша совсем забыла о своих, уже ничем не удивительных отношениях с подругами. После сумасшедших и сказочных каникул Даша успокоилась на том, что теперь лишь Таня Левина стала ее единственной подругой. Но она жила в другом городе, и с каждым днем ее след терялся в памяти Даши.

Вчера она поняла, что подруг у нее нет, и все одноклассницы, даже Юлька Казакова, остались где-то на втором плане. И, возможно, этого девчонки не могли простить Мироновой.

День ото дня для нее теряло смысл то, что еще в начале учебного года могло заставить вспыхнуть ее неугомонное любопытство. А теперь она словно не слышала излишней болтовни школьных подруг, и все самые популярные истории проходили мимо нее.

Чувствуя себя за кулисами большого театра, Даша меньше всего желала ссор с Сережей. Она догадалась, о чем были вчерашние записки, тем более было ясно, кому принадлежала эта затея. Юля никогда не уступала, если дело касалось ее трофеев. Она по каким-то нехитрым соображениям была всегда уверена, что очередная влюбленность – исключительно ее заслуга. Поэтому, все-таки считая себя достаточно хитрой и умной, Юля мстила и Даше и Сереже за их так удачно сложившиеся отношения.

Должна быть четкая линия поведения, чтобы оставаться в поле зрения. И Даша выбрала именно такую стратегию, ведь теперь она объявила войну всем своим завистливым и глупым подругам. А собственно, почему она считала их глупыми? На этот вопрос нашелся бы простой ответ, если б сама Даша не сглупила, обидевшись на такую несправедливость по отношению к ней.

Словом, теперь поздно, и лишь коварная месть расставит все по своим местам. Оставалось лишь разработать четкий план...

* * *

Сереза все же был неспокоен. То мимолетное, что коснулось его, когда он несколько дней встречался с Юлей, еще не совсем выветрилось из памяти. Тогда, на своих именинах, она была слишком настойчива, и все попытки не обращать на нее внимания оборачивались с точностью наоборот – Сереза не мог отвязаться от нее.

Думая о прошлых отношениях с Юлей, он задавал себе вопрос, почему Даша тогда была в стороне. А сейчас больше всего на свете ему не хотелось, чтобы Юля мешала им так, как иногда мешается соринка в глазу.

Даша вчера пообещала прийти к нему после обеда, и он из-за нее решил пропустить занятия в художественной школе. Ведь не мог же он отказать ей в помощи, правда, совсем не знал, по какому делу так неожиданно понадобилась его вмешательство.

Она, конечно, пришла, но с опозданием и ненадолго.

– Ты уже, наверное, устал ждать, – стоя у порога, отдала она дань вежливости. Сереза попросил ее не церемониться и, взяв за руку, потянул в дом.

– Подожди, я хотя бы ботинки сниму, – рассмеялась она. Проходя мимо зала, Даша вспомнила немного забытое чувство, когда она впервые влюбилась во все старинное и неподдельное. На серванте блеснула начищенная серебряная посудка, и накрахмаленная, вязанная крючком салфетка чуть не ослепила своей белизной. Все эти милые вещицы Светланы Петровны не могли оставить Дашу равнодушной, и девочка шла, неспешно рассматривая настенные семейные фотографии. На одной из них, уже от времени пожелтевшей, были запечатлены красивые и стройные барышни, среди которых улыбкой Светланы Петровны сияло лицо прабабушки Серези. С другой фотографии смотрел усатый и осанистый прадед, о котором Сереза почему-то совсем не рассказывал. Лишь сама Светлана Петровна любила историю этой фотографии. Она обнаружила ее чисто случайно у одной знакомой и даже не думала о том, что это фото ее бабушки.

– Что? Предки мои понравились? – обнимая ее за талию, спросил Сережа. Она не могла оторвать глаз от этих старинных лиц, словно фотографии обладали каким-то магнетизмом.

– Сережа, как звали твоего прадедушку?

– Сергей Александрович, кажется, – просто сказал он. – Ладно, ты ко мне пришла, или к призракам?

Но Даша слушала его и снова ощущала свою стихию. Ей казалось, что самые интересные истории таятся в старых, никому не нужных вещах, и даже фотография может стать чьей-то судьбой.

– Призраки? – очнулась она вдруг. Он многозначительно кивнул головой.

Обстановка его комнаты очень удивила Дашу. Она ожидала, что на стенах будут висеть нарисованные им картины, но стены были совершенно голыми, словно белые листы, ожидающие руки художника.

– Не обращай внимания, – попросил он, глядя на ее удивленное выражение лица, – я люблю, когда чисто.

Даша села в большое мягкое кресло, которое находилось в углу, так, что можно было беспрепятственно смотреть в огромное окно. Она задумалась о том, как рассказать Сереже о своем плане отомстить Юльке и всем, кто вчера посмеялся над ней. Он пытался что-то найти, рыская в стопке бумаг под письменным столом, и, когда наконец нашел, радостно воскликнул:

– Вот! Это тебе.

Портрет, легкий и собравший все тонкие линии в едва уловимые очертания настоящей Даши, лежал на ее коленях. Она смотрела и неожиданно понимала, что взгляд Сережи, его фантазия, быть может, дороже всех ее теперешних мыслей о школе, о глупых подругах.

– Мне очень нравится, – прошептала она, – спасибо.

– Даш, мне кажется, ты сегодня какая-то грустная... Все еще обижаешься на меня за вчерашнее? – обнял он ее.

– Ты здесь не при чем, – заговорила Даша, обрадовавшись тому, что Сережа первым упомянул об этих злополучных любовных записках. – Я только не знаю, зачем девчонкам надо было так шутить... Как мне все надоели!

– Нет, наоборот, просто Юлька злится на меня, – успокаивал он ее. Даша встала с кресла и с задумчивым видом прошлась по комнате.

– Ты что-то задумала?.. – поинтересовался он, прищурив глаза. – Может, сделаем какую-нибудь подлость?

– Да! – вспыхнула Даша. – Кажется, я знаю...

* * *

Геометрические проекции, которые надо было построить к уроку черчения, отныне были ни к чему, поскольку уже была готова иная проекция.

Коллективное трепетание у класса, в котором учились Даша с Сережей, вызывали именно уроки черчения. Наталия Ивановна не терпела различных нечеткостей, поэтому любое отступление, или, что хуже, искажение не только в чертежах, но и в поведении, каралось беспрекословной «двойкой».

Не было более удобного решения, нежели околпачить свой класс, вернее, некоторых его представителей. Наталия Ивановна, становившаяся очень щепетильной, когда ученики глумили, конечно же, должна прийти в ярость от очередной нелепости самого непоседливого класса во всей школе. Разумеется, не обойтись без жертв, ведь, воздавая Юльке и ее верноподданным по заслугам, Сережа и Даша заставят страдать других: наверняка Наталия Ивановна не простит сорванное занятие.

Итак, злодейство свершалось...

Даша первым делом сочинила текст мнимого письма, которое предназначалось Юльке. Сережа одобрил эту затею, рассмеявшись, когда представил себе, с

каким энтузиазмом Юля станет выполнять данное ей в письме поручение.

Конечно, Юлька узнала бы почерк, если бы письмо было написано от руки. Поэтому надежда была лишь на кабинет информатики, где гениальный компьютер способен решить любую задачу.

К вечеру письмо было напечатано и незамедлительно брошено в почтовый ящик Юльки. А Сережа и Даша, эти «неуловимые мстители», договорились на всякий случай не ходить на завтрашний первый урок Наталии Ивановны.

* * *

Нет сомнений – Юлька была польщена просьбой, которую прочитала в письме:

"Милая Юля! К сожалению, я не застала Вас в школе, поэтому пришлось написать эту записку. Зная от Ангелины Константиновны о Вашей неутомимой энергии, я прошу Вас, девочка моя, поздравить Наталию Ивановну с ее Днем рождения, которое наступит завтра. Сделайте это от имени всего класса.

С благодарностью, Екатерина Ивановна, сестра Наталии Ивановны.

P. S. Она очень любит воздушные шары".

Вооруженная разнообразными идеями, Юля весь вечер не отходила от своего телефона. Она уже думала о том, какое вознаграждение ждет ее за этот подвиг.

Всех девчонок, кроме Мироновой Даши, Юля оповестила о завтрашнем мероприятии. За час до закрытия магазинов она отправилась покупать воздушные шары и цветы. Представляя себя звездой класса, Казакова чуть не проехала свою остановку, когда возвращалась домой.

На утро Юлька все-таки не сдержала свое злорадство и решила позвонить Даше, чтобы похвастаться ей тем, что она первая догадалась поздравить Наталию Ивановну. Даша, узнав по телефону голос подруги, притворилась только что проснувшейся.

- Ты знаешь? - начала тараторить Юлька, - сегодня...

Даша, не слушая ее, завтракала и смотрела утреннюю телевизионную передачу.

- Я уже все купила, - продолжала она. Вскоре Дашу жутко утомила эта болтовня, и, включив музыкальный канал, она сказала больше разговорившейся Юльке:

- Мо-ло-дец! Я бы ни за что не додумалась!

- Через пять минут я выхожу из дома, - деловито отчеканила Юля в ответ, - встретимся на остановке.

- Нет, я не иду сегодня на первые два урока, - немного запинаясь, сообщила Даша.

- Почему? Ты обиделась? - спросила подруга с надеждой на то, что ей все-таки удалось задеть Дашино самолюбие.

- Просто мы с Сережей идем в девять часов на выставку, - на ходу придумала Даша, не растерявшись от наглости Юли, которая уже собиралась попрощаться, но, услышав о Сергее и забыв обо всем на свете, тут же умолкла. За молчанием последовали гудки.

Во время разговора между бывшими подругами не возникло ни малейшей тени подозрения, но все же Даше, когда Юля положила трубку, стало как-то не по себе. Веселило лишь одно: Юлька, конечно, звезда, но только звезда под колпаком...

ГЛАВА 3. СИНЕЕ ПЛАМЯ

Огонь забился под чайником, зашипел нехитрый завтрак на сковороде - начался новый день. Утро и вечер прошедшего дня ничего за собой не оставили, кроме, пожалуй, легкого чувства вины за напрасно пострадавших одноклассников. Наталия Ивановна, как и следовало ожидать, была весьма возмущена.

«Еще осенью, – писала Даша в своем дневнике, – я вдруг почувствовала, что Юлька не будет мне подругой. А теперь, когда Сережа со мной, она становится моим врагом».

Спрятав тетрадь в тайном ящике, запирающемся на ключ, она передумала завтракать. С мутными мыслями и голодным желудком она отправилась в школу.

Ни строчки, ни вздоха – она больше не желала ни о чем думать, тем более о любви.

Людоед-автобус на этот раз не заманил Дашу в свою пасть, и она шла, пересекая перекресток за перекрестком. В ее руках ничего не было, но больше всего на свете она хотела бы сейчас, чтобы и рук у нее не было, или их бы заменили крылья. Но такое невозможно, и она продолжала идти, все-таки надеясь, что этот день будет лучше, чем прошедшие.

Ее надежда была вполне обоснована, потому что сегодня у Сережи дома состоится большая вечеринка. Это событие было вдвойне необычным, ведь он больше предпочитал одиночество, нежели шумную ватагу друзей и подруг. Однако никогда нельзя угадать настроение, поэтому и самому Сереже захотелось резких перемен.

Учебный день, однотонный и почти всегда без изъятий, был разбавлен появлением Милованова. После своего долгого отсутствия Антон возник, словно новый штрих, сделанный яркой краской посередине пустой белой стены. Так, по крайней мере, показалось Даше, когда он с улыбающимся лицом и перебинтованной правой рукой вошел в класс.

Вот, пожалуй, кому хватало контрастов и перемен! Первая экстремальная попытка Антона могла быть проделана еще в десятилетнем возрасте. К счастью, она не удалась, потому что ему помешали, и сломана была лишь кисть руки. Зато в итоге второй попытки – перелом ключицы. Теперь, когда он пришел от скуки навестить своих одноклассников, популярность ему была обеспечена. Повышенное внимание к его перевязанной руке очень даже льстило Милованову, которому в любом виде удавалось занимать центральное положение.

Даша настолько была рада видеть Антона, что решила похитить его у всех. Едва он со всеми обменялся приветами, как Сергей и она усадили его за свою парту.

- Как рука? - спросила Даша.

- Почти готова для новых испытаний, - иронично ответил Антон. Сережа сразу перешел к событию дня, пригласив друга на свою вечеринку, а потом ненадолго оставил их одних.

- И какие же это испытания? - пыталась она побольше разузнать о его увлечении ломать себе руки.

- В полете, - серьезно сказал он, и Даша посмотрела ему в глаза.

- Наверняка фигуры высшего пилотажа, - предположила она. - Я права?

- Может быть, - засиял Антон, польщенный ее словами.

- Вы о чем? - не понял Сережа, когда снова оказался рядом с ними. - Какие фигуры?

Но вопросы его прозвучали словно впустую, и, взглянув на Дашу, забывшую о нем ради того, чтобы узнать о делах Антона, он тоже начал прислушиваться к разговору.

Однако Сереже показалось странным, что Даша как-то равнодушно отреагировала на его неожиданное исчезновение. Она даже не поинтересовалась, что оно значило. А впрочем, это всего лишь мелочь, и ничего предосудительного здесь нет - что плохого в том, если его девушка приятно беседует с другим? К тому же, Сережа доверял Антону, иначе бы он не был его другом.

* * *

На вечеринку Даша решила идти в ярко-голубом, ослепительном, как летнее небо, платье. Ей с трудом представлялось то, как она проведет этот вечер...

Вообще, весь день пролетел в полусонном состоянии, и надо было хоть как-то избавиться от тупой дремоты. Зачем лгать? Дашу своими липкими и холодными рукавицами охватывала прозябающая скука.

* * *

Она пришла раньше всех. Сережа заметил, что несмотря на ее фантастический внешний вид, она грустна и задумчива.

- Что-нибудь случилось? – спросил он ее, перебирая компакт-диски. Даша заметила в руках Сережи альбом любимой группы.

- О! Поставь это, – воскликнула она.

- Это!? – поразился Сережа.

- Нет уж! Лучше что-нибудь полегче – с этой музыкой умереть можно.

- Почему же?

- Нет, лучше я задам тебе вопрос.

Даша, равнодушно взглянув на него, подошла к окну, словно знала ответы на все его вопросы.

- Почему, когда у тебя плохое настроение, ты делаешь так, чтобы и у других оно было не лучше? – Сережа старался не грубить.

- Я напрягаю тебя? – все также смотря в окно, спросила она. Сережа раскрыл компакт-диск, который по-прежнему был в его руках, и несколькими ловкими движениями зарядил музыкальный центр.

- Пожалуйста, расслабляйся, – сухо иронизировал он, – потому что напряжена ты, а не я.

Даша села на кресло, будто на трон, и пока Сережа хлопотал по поводу напитков, с ней и с его домом познакомились только что пришедшие друзья, которых она видела впервые. Антон еще не появлялся.

Приглашенные на вечеринку друзья были его одноклассниками в школе искусств, где Сережа учился помимо обычной школы. Даша чувствовала, что на нее смотрят, как на очередную удавшуюся картину ее друга. Музыка, кажется, никому не мешала, но она охотнее прислушивалась к ней, нежели к разговорам незнакомых ей людей.

Компания состояла из трех пар. Даша подумала, что все эти красивые и в чем-то даже художественные люди ей очень нравятся, и Сергей нежен и внимателен, но что-то уже ломалось... Что? Этого она пока не могла определить.

Заиграла ее любимая песня, и Даша почувствовала, что джин-тоник, эта нехитрая смесь лимонного аромата и горькой водки, превратилась в разлившийся по ее телу туман. Как музыка наполняет слух, так мысли ее бешено металась, приходя лишь к одному – к Антону...

– Ты где пропадал? – глотнув из бутылки, спросил Сергей, когда открыл Антону дверь.

– Так, приятеля одного встретил, – ответил Антон и увидел, как Даша синим пламенем мелькнула в комнату Сергея. – Как у вас тут?

Сережа вручил другу джин-тоник и провел его в зал.

– Это Антон, – представил он его своим друзьям, – самый сумасшедший парень в нашей школе!

– Серег, мне кажется, ты уже наколдовался с джином, – посмеялся Антон. – Может, Дашка тебе сварит кофе...

– Расслабься, Милованов, – пошатнувшись в сторону, пролепетал Сережа.

В это время Даша снова вернулась в зал и, обрадовавшись тому, о ком еще минуту назад думала, сразу поздоровалась и даже осмелилась поцеловать его в

присутствии Сережи.

- Эй, а меня?! - охмелевшим взглядом, выражающим глупое недоумение, одернул он Дашу.

- А тебе пора спать, - как можно спокойней ответила Даша.

Сережа оглянул весь зал. По полу покатывались бутылки стеклянного происхождения, однако он не совсем узнавал, какого была происхождения жидкость, которую еще два часа назад они распивали всей компанией.

- Да, она права, - подтвердил Антон Дашины слова.

- Она?! - будто не соображая, воскликнул Сережа, - Конечно, она всегда права...

Даша постаралась не обращать внимания на эту иронию по отношению к ней и, взяв его под руку, шепотом сказала:

- Пойдем в комнату.

- Зачем нам идти в комнату? - громко спросил он, и ей стало неловко перед всеми, особенно перед Антоном, который, впрочем, совсем не растерялся.

- Серег, через час придет Светлана Петровна, - начал он убеждать его, - а ты в таком состоянии... Да и не только ты - у тебя вся квартира вверх дном.

- Мне плохо, - тихо сказал Сергей и тут же бросился бежать в ванную комнату. Даша - за ним, но Антон опередил ее.

- Даш, посиди пока в зале, - предупредил он, - я позову тебя.

Она решила под конец взять развязавшуюся вечеринку в свои руки и почти что скомандовала отбой. Компания учащихся в школе искусств, казалось, навсегда влюбленных друг в друга, рассеялась по цепочке, и после них осталась все те же бутылки, но уже пластикового происхождения.

Словом, Даша хотела как можно скорее избавиться от беспорядка и... может, от самого Сережи?

Она выключила музыку, потушила ночник и направилась к выходу, чтобы зажечь люстру.

– Постой, – поймал Антон ее ладонь, – ты сегодня очень красивая.

– Что? И ты с джином подружился? – резко сказала она и тут же включила свет. Даша вдруг почувствовала, как глупо задрожали ее колени. Она даже не думала о том, что останется с ним наедине. Но позволить себе искренности все же не могла, и праздная вечеринка оставила между ними чувство неловкости.

* * *

Когда квартире Сергея была возвращена прежняя одухотворенность, Даше оставалось только распрощаться с этим домом и вернуться в свой. Февральская погода была не очень гостеприимна, и ей меньше всего хотелось закутываться в одежды и тем более мчаться навстречу колючему ветру. А время было позднее, Сережа уснул под чарами джин-тоника, и Даша совсем забыла о нем.

Антон, провожая ее, шел молча. Даша ждала его обычных попыток произвести впечатление или хотя бы рассказ о том, как ему удалось сломать лишь ключицу, а не голову, но он молчал, словно готовился сказать что-то очень важное. И у нее самой не совсем получалось перейти незримую черту, разделяющую их. Она уже хотела закрыть за собой дверь, как он попросил еще одну минуточку. Антон взял ее за руку, и Даша поняла, что одна минуточка – это один поцелуй...

* * *

«Вот что я сейчас напишу: я себя ненавижу. Но мне хотелось его поцеловать», – разозлившись, начеркала Даша в своем дневнике, а потом кинула его в угол, так, что даже на полке затряслись глиняные фигурки.

Все это: вечеринка, Сережа, странное сближение с Антоном, кружилось в ее голове в каких-то полусонных и даже искаженных образах. Бессонница давала

лишь чувство боли в уставших глазах, а все остальное было непроявленным и... грустным...

ГЛАВА 4. ЗАРИСОВКИ СУДЬБЫ

Февраль с каждым уходящим днем становился двуликим: то пышным и легким, то ледяным и резким. Пестрым и разнообразным фоном сменялось то, что еще совсем недавно протекало неглубокой, спокойной речкой. И Даша могла ожидать самого непредсказуемого поворота. А может, это спокойное течение несло ее прямо к водопаду?

* * *

Сереза позвонил утром, и его сбивчивые и нелепые извинения пролетели через трубку, но только мимо ее ушей. Она успокоила его, впрочем, ни в чем неповинную совесть своим журчащим смехом. Так, по крайней мере он почувствовал, что его девушка не злится.

Выходной день мог пролететь, как многие другие, так же незаметно или с парой-тройкой каких-нибудь событий. Но на этот раз, после холодной и бессонной ночи, она проснулась в странном предчувствии, словно за какие-то сутки должна открыться вся ее судьба.

Даша сберегла утро, решив не выбираться из мягкой и теплой постели. Несколько дней было отключено отопление, и по квартире блуждал призрачный холод февральской улицы. Она кинула свой взгляд на угол, где, сгорбившись, лежал брошенный вчера дневник. Вспоминая записанные строки, Даша не могла понять, что ее могло вчера так разозлить, вернее, она уже просто не знала, по какому поводу ей злиться.

Если нет причины, значит, есть причина, по которой ее нет – вот так сложно определяла она свое состояние. Провести этот выходной в самовольном отрешении Даша отказалась, и поэтому немедленно встала на холодный пол и вскоре оказалась под водой. Первый шаг на пути пусть не к судьбе, а к здоровому образу жизни был сделан.

Теперь русло ее реки становилось глубже, и она могла плыть бесстрашно, не думая о том, что все равно утонет. Ее мир в самый раз наполнял именно то, в чем без страха можно было утонуть. Стихи, музыка и что-то еще не до конца понятное – все это было ее настроением.

Если бы кто-то задал ей такой вопрос: «Даша! На кого ты стала похожа?» то она бы, наверное, заплакала... от радости...

Марина Васильевна заметила в дочери это странное непостоянство и решила, что причина – в необоснованном уходе Кости. И все же разговор как-то откладывался. Но сейчас, пользуясь общим расположением духа, которое свойственно для времени завтрака, Марина Васильевна спросила:

– Какие планы на сегодняшний день?

– Планы? – будто не расслышала Даша. На самом деле ей с трудом пришлось хоть как-то поддержать беседу. Поэтому она могла в данный момент лишь сыграть роль послушной и совсем не депрессивной дочери.

– Да, планы, – вручив ей бутерброд, сказала Марина Васильевна. – Ты куда-нибудь уходишь?

– Ухожу, – кратко ответила Даша, и мать готова была уже задать вопрос «куда?», но вдруг передумала, предоставив ей возможность рассказать обо всем самой. И Даше было легко отказаться от всякого рода душевных бесед. Говорить о своих переживаниях – значит натолкнуться на какое-нибудь непонимание, а после и до ссоры недалеко. И так, парой обычных реплик о превосходном завтраке, Даша заполнила застольное общение. А после Марина Васильевна стала рассказывать многочисленные семейные байки. Особенно мать любила истории о своей необычайной бабушке. Так, Даша почти каждый день узнавала о своей прабабушке, которая по каким-то там залетным слухам, обладала даром гадания и причем умела угадывать.

Кто сказал, что понедельник – самый тяжелый день? Этот человек неправ, потому что в воскресенье ему не приходилось выбирать то, чем себя занять. И Даша, во-первых, решила пойти в библиотеку.

Храм одиноких, но все же изредка читаемых книг, то есть библиотека, всегда готов приютить ищущего какой-нибудь параллельный мир. И не столь важно, чему этот мир параллелен, главное – не заблудиться во всяких карточках и каталогах...

У гардероба библиотеки на редкость не было скучной и длинной очереди, и Даша легко избавилась от верхней одежды. Она уже поднималась в свой читальный зал, как неожиданно ее взгляд остановился на огромном стенде с различными детскими рисунками, пестрящими разноцветной фантазией. Все это красочное полотно, похожее на составленную мозаику, возглавляла длинная и витиеватая надпись: «Мир так велик, что нет того, чего бы не было».

– Загадочные слова, правда? – услышала Даша чей-то вопрос.

– Дима, какой рисунок тебе нравится больше? – продолжали говорить за ее спиной, и Даша, подозревая, что голос говорящей женщины ей почему-то знаком, оглянулась назад.

– Мама! – воскликнул мальчик, – это та девочка!

– Какая? – не сразу поняла женщина, но тут же посмотрев на Дашу, мило и так знакомо улыбнулась.

– Дарья! Куда ты пропала?

– Не знаю, – растерялась Даша. – Дима, как поживаешь?

– Хорошо! – сказал он, гордый тем, что научился выговаривать «рр-р». Мальчик взял ее за руку:

– Пойдем с нами, я расскажу тебе про ледяные замки.

Лидия, так звали эту женщину, предложила вслед за сынишкой идти с ними.

Такая встреча могла лишь обрадовать Дашу, но Лидия оказалась посланницей судьбы, поэтому и в самом деле мир так велик...

– Чем ты сейчас занимаешься? – спросила Лида, когда они, заказав нужные им книги, сели за стол.

– Ищу какое-нибудь занятие, – вздыхая, ответила Даша, – но пока...

– Как хорошо, что я тебя встретила! – вдруг перебила ее Лида. – Ты когда-нибудь хотела быть на обложке журнала?

Этот вопрос не столько поразил, сколько вызвал затруднение – об этом Даша никогда не задумывалась, или же думала, но не до такой степени, чтобы грезить карьерой фотомодели.

Лидия рассказала подробнее, в чем суть ее вопроса. Ее давняя должность главного редактора в подростковом журнале была неожиданностью для Даши. Конечно, кто из ее школы не знает об «Алисе». Этот самый популярный журнал был для девчонок чем-то вроде пристанища грез, и она и представить себе не могла, что сможет иметь прямое отношение к нему. Лидия говорила вполне серьезно, будто нисколько не сомневалась в согласии Даши.

– Все-таки, Лида, – поразмыслив, ответила она, – я не уверена...

– Глупости! Подумай, почему бы не ты?

Даша слушала и вместе с тем внутри нее с невероятной скоростью разворачивалось что-то совершенно новое. О нет, она не чувствовала себя золушкой или какой-нибудь распрекрасной принцессой. Просто ее удивляла сама ситуация – ее лицо, на обложке, да по всей стране!..

* * *

Разве она могла тогда хотя бы краем мысли затронуть будущее, которое теперь стало настоящим? Тогда, сидя на скамье и думая о Сереже, Даша заметила капризного Димочку, а вместе с ним его милую маму. Непоседливый сынишка выпытывал у матери ответ на жизненно важный для него вопрос: «Почему снег так блестит?». Вспоминая об этом, Даша приятно удивлялась тому, как ей удалось тогда найти для малыша самый верный ответ. А дальше: откуда она знала, что снег нельзя кушать, потому что он – это крохотные слезки звезд? И,

наконец, почему Даша рассказала об этом своем знании маленькому Диме?

Это знакомство с Лидой показалось ей длинной и завораживающей чередой каких-то случайностей. И все же, в самом деле, почему бы не она!

Событие дня было похоже на завязку новой истории, и весь сюжет теперь зависел от самой Даши. Вечером ей снова позвонил Сережа, от которого она не могла скрыть свою новость. Воображая свою девушку на фото, он тут же придумал картину, образ, что угодно – все равно, в его глазах вокруг Даши могли оживать любые краски. Сережа пообещал завтра же принести рисунки с замыслами ее будущих фотографий.

Засыпая, Даша решила не терзаться сомнениями по поводу своей судьбы. И все-таки, почему именно так, а не иначе?..

ГЛАВА 5. НАРИСОВАННАЯ ФОТОГРАФИЯ

Когда думаешь о том, что прежде даже редко на глаза попадалось, то голова превращается в калейдоскоп. Картинка за картинкой – мелькнет и исчезнет, но что-то ведь должно остаться...

Таким обрывочным, как листки настенного календаря, было настроение Даши. Поцелуй Антона все еще горел, и каким-то еле заметным отсветом разливался по ее лицу, когда она вдруг слышала о нем. Почему она позволила себе и ему так смело и почти ни о чем не думая встать на одну и ту же линию? Даша шла по прежней дороге в школу, домой – какая разница? Лишь чувства спасали ее, а попытки что-либо понять рассыпались, словно сгоревшая бумага.

Она неизбежно позвонила Антону, и звонок застал его как раз в то время, когда он собирался прийти к ней. Теперь их связывала невидимая и, скорее всего, безмолвная тайна. Для других, включая в этот узкий список и Сергея, Даша с Антоном – только друзья.

Антон уже давно увлекался фотографией, и все школьные газеты оформлялись благодаря его таланту видеть невидимое. В этом они с Сережей были схожи. Но в характере Антона была какая-то, может, горьковатого вкуса смесь фантазии и колючей иронии. Сережа, напротив, не любил всяких угловатостей. Может быть, поэтому они уживались в образе типичных друзей.

* * *

Антон, не отрываясь, смотрел на нее, зная, что нравится Даше, а она листала журнал и пила сок, свой любимый, апельсиновый.

– Антон, честно говоря, не понимаю, зачем все это нужно, – сказала она ему, бросив «Алису» на журнальный столик.

– Чтобы быть знаменитой, – уверенно ответил он и сел рядом. Даша рассмеялась.

– Смейся! Королева всех «Алис», – пафосно произнес он, тут же встав перед ней на колени. И Даша оценила этот тонкий и немного смутивший ее юмор, вознаградив его поцелуем, легким, как одна дождевая капля.

Антон, непричесанный и с гипсом, но крепкий и высокий, так ярко напомнил Даше полупомешанного, что она снова не могла сдержать смеха, тем более, что он продолжал воображать из себя какого-то там верноподданного рыцаря.

– Ты шутишь, – также театрально вздыхая, сказала она, – а я вот не знаю, что делать... Уже завтра Лида будет ждать моей фотографии.

– Так зачем медлить?! – почти прокричал он, и Даша чуть не вздрогнула от испуга. – Папаша мой еще в студии, и он запросто разрешит...

– Постой, – не поняла она, – какая студия?

Как обычно, если не успеваешь схватить смысл, то не страшно – смысл доходит сам. Так и Антон, не затрудняя себя всякими пояснениями, сказал Даше, что обо всем она узнает по дороге.

– Короче, бери свои одежды, помады, тени, – важно перечисляя, говорил он, – что еще там? А, ну и себя не забудь!

Она закружилась по своей квартире, словно горный ветер. Боже! Как она была в него влюблена!

* * *

Вслед за ними через пространство домов и стен летел, летел звонок Сережи, но не долетел – что-то оборвалось, и Даше с Антоном было невдомек, что кто-то не успел их догнать. А Сережа мог представить все, что угодно, но не..., а впрочем, ему просто было до ужаса жаль не увидеть сегодня ту, ради которой он не спал всю ночь. Он придумывал сюжет для ее фотографий, рисуя то ангела, то ведьму, но какое-то чувство ему мешало. И Сережа не мог остановиться ни на одном, казалось бы, последнем штрихе.

Разве может быть сложным то, что еще не понятно? Им, всем троим, не хватало одного шага, чтобы друг другу сказать: «Все очень просто».

Студия занимала крохотное помещение. Отец Антона – профессиональный фотограф, и в его небольшой студии можно было воплощать самые разные замыслы. И, действительно, Даше, как только Антон познакомил ее с отцом, показалось, будто она находится в некой секретной лаборатории, где проводятся художественные опыты. Эта таинственность еще больше завораживала Дашу, когда она стала рассматривать коллекцию лучших работ. Необыкновенные, ни на что не похожие фотографии были развешаны по всей студии, как говорится, в некоем художественном беспорядке. И чем больше ее взгляд мог уловить, тем сильнее становилось желание быть чьим-то образом... То есть быть такой, какой тебя хотят увидеть.

– Теперь я понимаю, откуда у тебя такой вкус к фотографиям, – подкрасив губы, сказала Даша. Он зарядил пленку в фотоаппарат и оглянул помещение, видимо, оценив, достаточно ли освещения.

– А я хочу знать, какой вкус у твоей помады, – собирался он ее поцеловать.

– Антон, можно тебя на минутку, – донесся из прихожей голос его отца.

Даша скрылась за ширму, чтобы переодеться. Королева всех «Алис», думалось ей, должна быть в ярко-голубом платье, которое было похоже на узкую, блестящую на солнце речку. На этом фоне ее серые, почти дымчатые глаза, волнами распущенные волосы и тонкие руки лишь дополняли картину.

Но Даша была недовольна – вся ее внешность, как ей казалось, ничего особенного не представляла, и ей самой было как-то не по себе. Она подошла к стене, коснулась ее одной рукой и получилось так, словно было задумано: тонкая, синяя тень, ползущая по бархатно-темной стене... И увидевший это Антон тихо, почти на одном дыхании, попросил ее тень:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/malinina_ol-ga/mir-na-ladoni

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)